

А. В. Ганин

Новые документы о подпольной работе в Красной армии генерала А. Л. Носовича

Деятельность белого подполья в Красной армии относится к малоизученным сюжетам истории Гражданской войны в России. С одной стороны, подпольная работа не предполагает какой-либо открытости, а, с другой стороны, подпольщиками в ряде случаев являлись высокопоставленные военные специалисты, работавшие в одиночку.

Одним из крупных белых агентов в РККА являлся бывший офицер гвардейской кавалерии, служивший в Лейб-гвардии уланском Его Величества полку, генерал-майор Анатолий Леонидович Носович (1878–1968). Обнаружение автором этих строк личного архива генерала во Франции позволило реконструировать его жизнь и деятельность.¹

Важнейшим источником, сохранившимся в архиве Носовича, являются воспоминания генерала. Вместе с тем, воспоминания представляют собой крайне субъективный документ, требующий проверки и нередко содержащий

¹ Подробнее см.: Ганин А. В. «Комиссар, вы арестованы. Шофер, полный ход вперед, в Козловку, прямо к казакам!» История дезертирства помощника командующего советским Южным фронтом А. Л. Носовича из Красной армии // Клио (Санкт-Петербург). 2017. № 1 (121). С. 165–175; Он же. Анатолий Носович: «Я мог сдать Царицын белым...» Противостояние белых подпольщиков и И. В. Сталина в штабе Северо-Кавказского военного округа // Родина. 2017. № 7. С. 118–121; Он же. Бывший генерал А. Л. Носович и белое подполье в Красной армии в 1918 г. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2017. № 2 (9). С. 6–34; Он же. Арест и освобождение сотрудников штаба Северо-Кавказского военного округа в августе 1918 г. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2017. № 3 (10). С. 32–51; Он же. И. В. Сталин в мемуарах белого агента в Красной армии генерала А. Л. Носовича // Политическая история России: Прошлое и современность. Исторические чтения. Вып. XV. «Гороховая, 2». СПб., 2017. С. 190–199; Он же. Воспоминания генерала А. Л. Носовича о работе белого подполья в 1918 году // Исторические чтения на Лубянке. Отечественные органы безопасности: история и современность. М., 2017. С. 89–98; Он же. Воспоминания белого агента в Красной армии генерала А. Л. Носовича: характеристика и проблема верификации источника // Отечественные архивы. 2018. № 1. С. 67–77; Он же. Революционные события 1917 г. в освещении генерала А. Л. Носовича // Столетие революции 1917 года в России. М., 2018. Ч. 1. С. 176–184; Он же. Военный руководитель Северо-Кавказского военного округа А. Е. Снесарев и военные специалисты Красной армии в 1918 г.: по материалам личного архива белого агента А. Л. Носовича // Гражданская война в России: взгляд через 100 лет. Проблемы истории и историографии. СПб., 2018. С. 253–276.

сомнительные данные. Поэтому крайне важно выявлять альтернативные документальные свидетельства. К настоящему времени обнаружено несколько таких свидетельств, служащих доказательством подпольной работы генерала Носовича.

Одно из свидетельств выявлено в архиве французского внешнеполитического ведомства в парижском пригороде Ла-Курнев специалистом по истории французского военного представительства в России к.и.н. Ю. М. Галкиной (Екатеринбург) и любезно предоставлено автору. Документ представляет собой составленное в Екатеринодаре 29 ноября 1918 г. капитаном Генерального штаба Фуке донесение французской военной миссии при Добровольческой армии об офицерах миссии, направленных в Россию.

В документе отмечено, что «по свидетельству генерал-майора русской армии Носовича, который был направлен французской военной миссией в Царицын в минувшем мае для реорганизации Красной армии и обороны фронта под Ростовом-на-Дону, большевики в первой половине августа 1918 года расстреляли временного консула Франции в Царицыне господина Шарбо. По его же словам, другие члены французской военной миссии, а именно группа капитана Борд, входящая в состав миссии, значившейся гражданской, были, за исключением одного человека, заключены в тюрьму.

Полковник Шардиньи, как и два его офицера для поручений из миссии в Тифлисе, выехавшие из Тихорецкой в Москву 23 июня, были вынуждены остановиться в Царицыне и некоторое время скрывались в консульстве. Генерал Носович отправил их выполнять большевистское поручение на Юге, что должно было им позволить достичь Астрахани и Энзели. Они должны были передать пакет полковнику Шкура,² действующему на юго-восточном Кавказе совместно с Добровольческой армией. Полковник этот пакет так и не получил».³

Таким образом, это донесение является независимым подтверждением сотрудничества Носовича с французской миссией, о чем писал в своих мемуарах и сам белый агент. При этом любопытно, что, согласно документу, генерал

² Речь идет об А. Г. Шкуро (Шкуре), действовавшем летом 1918 г. во главе партизанского отряда на Северном Кавказе.

³ Ministère des Affaires Étrangères. Centre des Archives diplomatiques de La Courneuve. Mission militaire française. Renseignements recueillis sur les officiers des missions envoyées en Russie, Ekaterinodar, 29 Novembre 1918. Перевод мой. Выражаю глубокую благодарность к.и.н. Ю. М. Галкиной за предоставленные сведения.

Носович был направлен в Красную армию французами первоначально для со-зидательной работы – создания антигерманского фронта под Ростовом-на-Дону.

Другие свидетельства о подпольной работе Носовича относятся к периоду его жизни в эмиграции во Франции. Эти материалы удалось выявить в архиве Гуверовского института в США в коллекции нашего современника, московского коллекционера М. Ю. Блинова, собиравшего в 1990-е – начале 2000-х гг. архивы русских эмигрантов. Среди документов коллекции сохранились материалы разбирательства 1955–1958 гг. в связи с конфликтом Носовича с Союзом русских военных инвалидов во Франции и выдвинутыми против генерала обвинениями в соотрудничестве с большевиками и в самозванстве. Коллекция микрофильмирована, часть материалов представлена в виде копий низкого качества, поэтому не все тексты хорошо читаются. Кроме того, Носович и другие военные эмигранты были уже в возрасте и допускали в текстах разного рода ошибки, которые, как правило, исправлены нами при цитировании без оговорок.

Предыстория этого разбирательства связана с ситуацией в отделе Союза русских военных инвалидов в Ницце. 27 октября 1955 г. эмигрантская газета «Новое русское слово» в США (Нью-Йорк) опубликовала письмо Носовича редактору под названием «Несправедливое и неблагородное преследование». Носович отметил, что «несколько настоящих русских военных инвалидов» в Ницце «или исключены или не приняты или лишены занимаемых мест», однако «ниццкий отдел не представляет из себя “вотчины” его выборного правления» и должен «“призрывать” инвалидов, а не “вышвыривать” их на улицу». ⁴ Генерал отмечал, что «такая массовая расправа, напоминающая большевицкую чистку, должна быть непременно гласно расследована с моим участием». ⁵ Обвинение было вызвано жалобами офицеров, искавших защиты у Носовича. По всей видимости, 10 ноября 1955 г. письмо перепечатала и газета «Новая заря» (Сан-Франциско).

Председатель Союза русских военных инвалидов во Франции генерал-майор Н. Н. Шипов (с октября 1956 г. он стал также председателем Гвардейского объединения) в частной переписке просил Носовича прекратить нападки на организацию, но последний к этой просьбе не прислушался. Руководство Союза сочло заявление Носовича клеветническим.

⁴ Архив Гуверовского института (HIA). M. Blinov collection. Box 12. Folder 10.

⁵ Там же.

Вскоре появился ответ. Он увидел свет в газете «Новая заря» 3 декабря 1955 г. за подписями председателя центрального правления Союза русских военных инвалидов во Франции генерал-майора Н. Н. Шипова и генерального секретаря Союза корнета Лейб-гвардии Кирасирского Его Величества полка С. Ф. фон Вальца. Заявители писали 22 ноября редактору газеты: «Не откажите в любезности поместить на страницах Вашей уважаемой газеты нижеследующее сообщение – не в целях полемики с А. Л. Носовичем, но для правильной информации лично Вас и Ваших читателей.

В номере издаваемой Вами газеты от 10 ноября 1955 года было напечатано письмо, подписанное “бывший командир бригады 11-й пех[отной] дивизии генерал-майор А. Носович”.

Тенденциозность заметки выявляет ее автора: в прошлом – русский офицер, а в период русской Смуты – сотрудник и доверенное лицо “Предреввоенсовета тов. Троцкого” (см. книгу Р. Гуля “Ворошилов, Буденный, Блюхер, Котовский”⁶ стр. 25, 31 и 32. Книга находится в свободной продаже)⁷.

Далее в письме описывалась большая работа, которую вел Союз русских военных инвалидов во Франции. В отношении исключенных из организации

⁶ Речь идет об изданной Р. Б. Гулем в эмиграции в 1933 г. книге очерков о советских военачальниках. О службе Носовича в РККА упоминалось в очерке о К. Е. Ворошилове. Там отмечалось, что Л. Д. Троцкий прислал в Царицын бывшего генерала Носовича, которого арестовали и якобы держали на барже на Волге. Содержался там и вымышленный диалог Ворошилова и Троцкого с упоминанием Носовича: «– Что! – вскрикнул Ворошилов и, встав, отбросил упавший стул. – Я, товарищ Троцкий, не умею дипломатничать! Я по-своему, напрямки! Оставаясь командующим царицынской армии, буду исполнять все приказы, которые по обстановке будут правильными! Я думаю, что мне тут виднее, чем вам там с горки иль главкому Вацетису! Вы прислали генерала, белогвардейца, а где этот Носович теперь, я вас спрашиваю? Он сбежал к белым через фронт, после того, как по вашему приказу мы его не расстреляли, а освободили с баржи! А что касается трибунала – сделайте милость! Не мне, рабочему-ленинцу, да ленинцу-то постарше вас! бояться трибунала! Сам работал в чеке, пусть судят!

Ворошилов взбешен.

Но взбешен и Троцкий.

– Я сказал свое, как знаете. Время партизанщины отжило, если мы будем дальше становиться на эту рельсу, то с нее сойдет поезд революции. А что касается побега Носовича, то уверены ль вы, что он не оттого бежал к белым, что вы вместо работы посадили его в чеку? У Сытина он не бегал. Вы знаете, сколько у нас в армии военспецов? 30 000! Что ж, вы хотите всех их заменить партизанами?» (Гуль Р. Б. Красные маршалы: Тухачевский, Ворошилов, Блюхер, Котовский. Венков А. В. Буденный. Ростов-на-Дону, 1998. С. 184–185).

⁷ НИА. М. Vlinov collection. Box 12. Folder 10.

лиц отмечалось, что «Союз, оберегая свое достоинство, не может принимать или оставлять в своем составе лиц, не удовлетворяющих моральным требованиям или вредящих Союзу своей деятельностью.

Именно “защиту” таких лиц взял на себя А. Л. Носович, сам не состоящий в Союзе инвалидов».⁸

Сообщение было напечатано в газете, а 1 января 1956 г. перепечатано в Бюллетене Союза русских военных инвалидов во Франции № 13–14. В том же бюллетене были опубликованы данные о подзащитных Носовича, из чего следовало, что их исключение из Союза могло считаться обоснованным.

7 марта 1956 г. Носович написал Шипову письмо: «Мои друзья-инвалиды довели до моего сведения, что секретарь ниццкого отд[ела] распространяет в городе Ницце и Ментоне, давая даже не членам Инвал[идного] союза бюллетень №13–14-й центр[ального] правления Союза русских воен[ных] инвалидов Парижа.

В этом бюллетене затрагивается мое доброе имя и имя в связи с моей защитой некоторых инвалидов г. Ниццы. Я живу в Ницце 36 лет безвыездно и заслужил в эмиграции безупречное имя, и во время войны [19]39 года, в смутное время оккупации Ниццы. Бюллетень состоит из 13 страниц; на 10-ти страницах затрагивается мое доброе имя. Совершенно недопустимо распространение бюллетеня без присылки такового мне. Бюллетень распространяется во Франции и в Америке. Имея теперь таковой в руках, я из него узнаю, что Ваш ответ на мое письмо 27 октября [19]55 года, посланное мною только в “Новое русское слово”, Вы поместили свой ответ в газету “Новая заря”.⁹

Мою просьбу о гласном расследовании в письме 27 окт[ября], вместо доброжелательного отношения, которое могло бы легко прекратить все недоумения между инвалидами и правл[ением] ниццкого отдела, Вы отклонили обвинением меня в “большевизме”, ни на чем не основанном. И, чтобы дискредитировать меня в глазах русского зарубежного общества, Вы рекомендуете меня следующими словами: “В прошлом русский офицер, а в период русской Смуты – сотрудник и доверенное лицо Предреввоенсовета тов. Троцкого”. В подтверждение этому обвинению Вы указываете см. стр. 25, 31 и 32 писателя Р. Гуля “Ворошилов, Буденный, Блюхер, Котовский”. Книга находится в свободной печати.

⁸ НИА. М. Blinov collection. Box 12. Folder 10.

⁹ Так в документе.

В вашем бюллетене на странице 11-й и 12-й в доказательство Ваших слов Вы добавляете: для характеристики означенного лица Вы добавляете см. книгу Гуля, стр.¹⁰ 25, 31 и 32 и даете эти выписки целиком в подтверждение Вашего определения, что я был сотрудником и доверенным лицом тов. Троцкого, хотя там об этом нет ни одного слова. Но там определенно говорится: “А из Москвы вместо снарядов Троцкий прислал царского генерала Носовича. Генерала Носовича отдали чекисту, а тот отправил его на Волгу на баржу”. Стр. 25-я. Стр. 31 и 32 – “Вы, тов. Троцкий, прислали генерала-белогвардейца, а где этот Носович теперь, он бежал к белым через фронт”.

Эти выписки Вы коротко подчеркиваете: “Комментарии излишни”.

Такое обвинение мне с Вашей стороны не должно опираться только на писателя Р. Гуля, известного в Америке своими нападками на русскую армию, но должно подтверждаться вескими документами.

Я со своей стороны, представляя против Вашего обвинения официальные французские документы: генералов, начальников военных французских миссий в России и французского вице-консула. Эти документы именно того периода, о котором говорите Вы и писатель Р. Гуль. Прилагаю: генерал Лавернь и колонель¹¹ Корбель, два документа генерала Манжен, генерал[а] Шардиньи и консула господина Шарбо.

Смею заверить Ваше превосходительство, я 38 лет хранил эти документы от смешанного русского общества как важные и секретные, которые ясно и определенно свидетельствуют о высокопатриотическом характере моей деятельности и о моем самоотверженном выполнении задач, данных генералом Алексеевым. И только исключительно Ваши нападки и Ваши обвинения меня в большевизме, порочащие мое доброе имя, заставили меня в моей защите прибегнуть к этим документам.

Довожу до Вашего сведения, что копии этих документов представлены мною в Америку: ген[ералу] князю Елецкому, председ[ателю] Объединения Ник[олаевского] кав[алерийского] училища; предс[едателю] Объединения Ник[олаевского] кав[алерийского] училища в Сан-Франциско и предс[едателю] Объединения Ник[олаевского] кав[а]л[ерийского] училища в Париже генералу Губину.

¹⁰ В документе ошибочно – см.

¹¹ Полковник (фр.).

После Вашего ознакомления с документами я прошу Вас отослать мне документы не позже 19-го марта.

Прошу, взяв за данные содержание означенных документов, написать срочно: 1) лично мне, 2) во все отделы военных и других союзов, куда был послан бюллетень № 13–14-й, 3) в редакцию следующих газет: а) Нью-Йорк в газету “Новое русское слово”, [б)] в Сан-Франциско – “Новая заря” и [в)] в Париж – [в] газету “Русская мысль” следующее опровержение: “Центральное правление Союза рус[ских] воен[ных] инвалидов сообщает всем военным союзам и всему русскому зарубежному обществу, что: 1) обвинение в большевизме и в пристрастном отношении к Союзу русских воен[ных] инвал[идов] генерала Носовича были порождены неправильными сообщениями из ниццкого отдела и, к сожалению, некоторыми членами центрального правления.

Председатель центр[ального] правл[ения] сделает все возможное и необходимое совместно с генералом А. Л. Носовичем и другими избранными в Ницце лицами для выяснения всех недоразумений последних лет, происшедших в ниццком отделе”.

Если Вы, Ваше превосходительство, на опровержение не согласны, я буду принужден искать таковое опровержение на основании моих французских документов во французском суде.

Прошу принять уверение в моем уважении». ¹²

Видимо, требования Носовича удовлетворены не были, поэтому 29 марта 1956 г. он подал иск в суд в связи с диффамацией (клеветой). Дело рассматривалось под названием «Носович против Шипова и Вальца».

Опуская характерные для русской эмиграции внутренние дразги, отметим главное – в ответ на нападки Носович смог предоставить подтверждения своей причастности к антибольшевистскому подполью, подписанные участниками тех событий с французской стороны. Эти документы являются независимым доказательством его подпольной работы в рядах Красной армии в 1918 г.

Носович представил четыре документа трех начальников французских военных миссий в России – генералов Ж. Ф. А. М. Г. Лаверня (глава французской военной миссии в России с мая по октябрь 1918 г.), Ш. М. Э. Манжена (начальник миссии на Юге России с осени 1919 г.), П.-О. Шардиньи (начальник миссии на Кавказе) и полковника Э. Корбея, а также вице-консула в Царицыне С. Шарбо (который, очевидно, не был расстрелян в 1918 г.). Доку-

¹² НИА. М. Blinov collection. Box 12. Folder 10.

менты свидетельствовали, «что ген. Носович от 1-го мая до 11 октября стоял во главе контрреволюционной организации генерала Алексеева».¹³

В деле имеются только копии свидетельств, заверенные самим Носовичем. 26-м октября 1957 г. датировано письмо Носовичу от бывшего вице-консула Шарбо: «Я, бывший вице-консул г. Царицына во время войны 1914–1918 г. и директор металлургических и оружейных заводов французского общества Кнютанж, узнал от генерала Носовича о действиях, предпринятых Центральным правлением Союза рус[ских] воен[ных] инвалидов во Франции против его прямого и открытого заступничества за некоторых инвалидов г. Ниццы, начатого в 1954 году.

Не входя в детали этого дела, я более чем удивлен, что вместо немедленного расследования жалоб, принесенных ген[ералу] Носовичу этими инвалидами, председ[атель] и ген[еральный] секретарь центр[ального] правления защитили действия правления ницкого отд[ела] союза инв[алидов], прибегнув к ни на чем не обоснованной клевете на деятельность ген[ерала] Носовича, именно в этот период в г. Царицыне с мая по октябрь 1918 г., назвав ген[ерала] Носовича ими вымышленным определением: “Сотрудник и доверенное лицо товарища Троцкого”.

Генерал Носович прибыл в Царицын на исключительно опасную службу “среди большевиков, но для борьбы против большевиков”.

Это было немедленно сообщено из Москвы мне как вице-консулу через французскую военную миссию, которая совместно с московской добровольческой организацией генерала Алексеева провела это назначение на исключительно важный пост начальника штаба Северо-Кавказского военного округа для помощи Добровольческой армии и Белому движению вообще. Меня очень удивляет такое необоснованное отношение некоторой части бывших русских белых офицеров к представленным им французским бумагам военных миссий и к самоотверженной деятельности генерала Носовича, как в Царицыне, так и на Южном фронте до октября 1918 года.

И эта деятельность ярко оценена в бумагах, данных генералу Носовичу: генералом Е. Манженом¹⁴, генералом Шардиньи, генералом Лавернь, полковником Корбель, и высоко ставится мною, пострадавшим за нашу общую

¹³ НИА. М. Vlinov collection. Box 12. Folder 10.

¹⁴ Правильно – Шарль Мария Эммануэль Манжен.

деятельность в городе Царицыне в 1918 году, девятимесячным сидением в большевистских тюрьмах.

Очень рад, что судьба снова свела меня с генералом Носовичем, и я, благодаря этому случаю, могу вновь подтвердить самоотверженное служение генерала Носовича Национальной России и Франции».¹⁵

В переводе на русский язык прочие справки, представленные Носовичем, выглядели следующим образом. Подполковник Э. Корбель 13 марта 1919 г. подписал в Екатеринодаре следующую справку: «Я, нижеподписавшийся, лейтенант-полковник¹⁶ Корбель, начальник военной миссии Франции при генерале Деникине, удостоверяю, что весной 1918, как только он приехал из Киева в Москву, генерал Носович немедленно пришел отдать себя в распоряжение французской военной миссии, и что с полного согласия с генералом Лавернь и со мной, тогда начальником нашей службы разведки, он принял на себя обязанности начальника штаба Красной армии в Царицыне.

Его задачей было облегчение действий нашего консула в этом городе, производить нужную нам разведку и работать в пользу успеха задач генерала Алексеева.

В виду обращения генерала Носовича ко мне, дабы свидетельствовать об этом, я считаю себя обязанным заявить, что я всегда находил в нем горячего и преданного работника в наших общих задачах»¹⁷.

Начальник французской военной миссии на Юге России генерал Ш. М. Э. Манжен писал: «Я, генерал Манжен Е., начальник французской военной миссии в Южной России, рекомендую генерала Носовича Добровольческой армии, доброжелательству властей гражданских и военных, и прошу их ему оказывать помощь в случае необходимости.

Преданный друг Франции, генерал Носович, имел случаи оказать в различных обстоятельствах большие услуги французским военным миссиям в России.

В виду этого он особенно подвержен преследованию большевиков».¹⁸ Документ также скрепил подполковник Э. Корбель.

¹⁵ НИА. М. Blinov collection. Box 12. Folder 10.

¹⁶ Т.е. подполковник (фр.).

¹⁷ НИА. М. Blinov collection. Box 12. Folder 10.

¹⁸ Там же.

Представил Носович и письмо начальника дивизии генерала П.-О. Шардиньи префекту департамента Приморские Альпы (на территории этого департамента Франции в Ницце и проживал Носович) от 3 января 1935 г.: «Господин префект, генерал Носович старой русской армии, живущий уже в Ницце четырнадцать лет, на Променад де Англь, просит благосклонного внимания к его натурализации, его жены и его двух сыновей.

Я позволяю себе рекомендовать его просьбу совершенно особым образом.

Будучи начальником французской военной миссии на Кавказе во время войны, я знал генерала Носовича в 1918, в то время, когда он был начальником штаба революционного фронта Северного Кавказа.¹⁹ Я могу удостоверить, что в его работе, которую он согласился взять только по настоянию военной миссии Франции в России, генерал Носович продолжал оказывать самые большие услуги делу союзников. Предупрежденный, что правительство Советов отдаст приказ об аресте всех офицеров моей миссии, он меня вовремя об этом предупредил, позволил сделать посадку в Царицыне и достичь Баку, благодаря пропуску, который он мне выдал за свой страх и ответственность.

Я не привожу здесь более, чем одно из его действий, наиболее характерное при его исключительно деликатном положении, в котором он находился в то время, не указывая на его службу во время предшествующей войны. Это его действие достаточно, чтобы оправдать благосклонность, которую надо проявить при рассмотрении его просьбы о натурализации, которую он сейчас представляет.

Я со своей стороны оцениваю, что прошлое отвечает его будущему, и что оно служит наилучшей гарантией чувствам, в которых он должен воспитывать своих двух сыновей».²⁰ Как видим, это свидетельство почти повторяет данные о действиях Носовича из архива французского внешнеполитического ведомства.

Писал об этом случае в своих воспоминаниях и сам Носович: «О полковнике Шардиньи и его двух офицерах я тоже расскажу здесь... Мое содействие ему, начальнику французской военной миссии при Кавказском фронте, было одним из главных обвинительных пунктов в моей контрреволюционной деятельности, это же обвинение привело и к аресту французского консула господина Шарбо.

¹⁹ Начальником штаба Северо-Кавказского военного округа.

²⁰ НИА. М. Blinov collection. Box 12. Folder 10.

Около двадцатых чисел июля в Царицын, чуть ли не пешком, прибыл полковник Шардиньи вместе с остальными членами миссии. Им пришлось отказаться от поездки нормальным путем, чтобы присоединиться к главному составу миссии, и они были вынуждены пробираться на Ставрополь – Царицын на своем автомобиле по степным дорогам. Недалеко от Царицына революционная вольница, его защищающая, решила, что для успеха их операции необходимо использовать французский автомобиль. Они отобрали машину, первоначально на сутки, а потом объявили, что он им необходим, и тут же автомобиль был испорчен...

Между тем союзные военные миссии уже покинули Москву. Большевики окончательно распоясались. В центре России шли разрозненные восстания. У нас в Царицыне моя власть агони[зи]ровала. Между мной и наркомом по продовольствию Сталиным шла открытая борьба без всякой надежды на мой успех, и лишь грозные телеграммы Бронштейна-Троцкого позволяли нашему штабу балансировать.

Сталин отдал распоряжение задержать полковника Шардиньи и всю его миссию в Царицыне. Полковник Шардиньи пришел ко мне, объяснил обстановку и просил содействия. Разговор с полковником дал мне идею: первое – выполнить мой долг перед союзниками, задержанными²¹ совершенно незаконно и людьми абсолютно на это не имеющими законной власти. Второе – я хотел воспользоваться представившейся возможностью, согласно соображениям полковника Шардиньи, который хотел бежать из Царицына на Энзели к англичанам, и связаться через Петровск при посредстве партизан полковника Шкуро с Добровольческой армией. Через этих партизан полковник Шардиньи случайно проехал. Ко всем затруднениям миссии присоединились и финансовые. Я воспользовался тем, что вольница отобрала и испортила автомобиль союзной миссии, и выдал полковнику Шардиньи под расписку 45-ть тысяч рублей стоимости автомобиля по тогдашнему курсу рубль за франк. И проходное свидетельство, что было особо важно, так как штаб был еще в силе. При помощи консула полковник Шардиньи нанял какую-то мореходную шаланду и на ней пробрался до Энзели. На наше счастье он не мог никому

²¹ В документе – задержанных.

сообщить о²² нашей деятельности, так как секретов хранить никто не умел, да и об этом и не заботились».²³

Еще один документ также относился к 1935 г. и датирован 18 января: «Я, нижеподписавшийся С. Шарбо, главный директор металлургического общества Кнатанж, бывший вице-консул Франции в Царицыне, свидетельствую этим, что генерал Носович, старый офицер императорской русской армии, взялся самым лояльным образом в 1918 году в распоряжении союзников и, в частности, французской военной миссии генерал Манжен, генерал Шардиньи и полковник Корбель, и принял пост начальника штаба красной Кавказской армии, исключительно, чтобы оказать услуги по работе для задач союзников, которых он осведомлял со дня на день с опасностью для своей жизни – французские военные миссии о действиях большевиков; он также стал в распоряжение групп французских эвакуируемых; что он помог самым действительным образом вывозу фабрик Юга России, угрожаемых нашествием немецких войск; ко всему он оказал многочисленные услуги совершенно бескорыстно на пользу союзников с большим риском, – что к тому же случилось, – его стали подозревать, будучи сильно скомпрометированным, что привело его к аресту и заключению в тюрьму. Означенная аттестация дана генералу Носовичу для того, чтобы служить поддержкой его просьбы о натурализации, которую я признаю совершенно правильной.

С момента его приезда во Францию он храбро принялся за работу, несмотря на очень трудное денежное положение, и устроил в Ницце электромеханическую мастерскую, которая ему позволила жить, несмотря на все теперешние затруднения».²⁴

В конфликт постепенно втягивались все новые представители военной эмиграции, отстаивавшие корпоративную честь. 26 мая 1956 г. на заседании Гвардейского объединения в Париже было высказано порицание «аморальной деятельности» генерала Носовича, объединение исключило его из своих рядов.

Однако Носовича поддержал председатель Объединения Лейб-гвардии Уланского Его Величества полка генерал-майор барон Л. К. Притвиц, который 25 июня 1956 г. вступился за честь Носовича как улана Его Величества:

²² В документе – об.

²³ Библиотека современной международной документации (Нантер, Франция; Bibliothèque de Documentation Internationale Contemporaine). F. Nossovitch. F Δ rés 843. Vox 1. (1) (7) (2). Носович А. Л. Шесть месяцев среди врагов России. Кн. 3. Ч. 2. Гл. 1. С. 56.

²⁴ НИА. М. Blinov collection. Vox 12. Folder 10.

«Не имея возможности экстренно собрать парижскую группу улан Его Величества в госпитале “Garches” я обменялся мнениями с моими однополчанами по поводу постановления Гвардейского объединения от 26 мая, что при разбросанности заняло порядочно времени.

Довожу до сведения Объединения улан Е[го] В[еличества] об единогласном мнении, высказанном по вышеозначенному делу.

С глубокой скорбью члены объединения ознакомились с постановлением экстренного собрания Гвард[ейского] объедин[ения], резким²⁵ по форме и суровым²⁶ по существу, вынесенным²⁷ на основании изложения дела: “лишь одной стороны”.

Повестка, разосланная секретарем Гвард[ейского] объедин[ения], говорила только о собрании по “текущим делам”. Почему я уведомил своевременно гр[афа] Татищева, что, будучи болен, присутствовать не могу, тем более, что по характеру повестки мое присутствие не являлось необходимым. Заместить меня в этот день никто не мог: полковник Скрябин по болезни, полковник Новиков и поруч[ик] Головин отсутствовали из Парижа.

Если бы я предполагал, что под словами: “текущие дела” кроется намерение судить на собрании Гвард[ейского] объедин[ения] члена нашего полкового Объединения генерала Носовича, я немедленно разъяснил бы, что такой суд не может иметь места по той причине, что Объединение улан Его Величества входит целиком в Гвард[ейское] объедин[ение], а не отдельные члены его – персонально.

Не снесясь по этому поводу предварительно с полковым объединением, судить полноправного члена его являлось невозможным.

Главным заинтересованным лицом в данном случае был не генерал Носович, а все Объединение улан Его Величества.

Уланы резко разграничивают два эпизода в деле генерала Носовича.

1) Первый, касающийся Инвалидного дома в Ницце, – абсолютно не имеет отношения к уланскому объединению.

2) Второй, клевета на генерала Носовича как о “сотруднике Троцкого большевика”, непосредственно касается нашего объединения.

²⁵ В документе – резкой.

²⁶ В документе – суровой.

²⁷ В документе – вынесенное.

Для сведения своих личных счетов с генералом Носовичем Союз инвалидов объявляет его “сотрудником Троцкого и большевиком”, распространяя эту клевету в своем бюллетене № 13–14, приводя крайне неудачно, как документ, книгу писателя Гуля, известного в своем прошлом своими левыми взглядами и враждебным отношением к офицерству императорской России. Игнорируя, будучи осведомлено о том, что в действительности произошло почти полвека тому назад.

39 лет тому назад 6 улан²⁸ Е[го] В[еличества] прибыли в ноябре 1917 года на Дон и формировали 1-й кавалерийский дивизион Добровольческой армии, названный дивизионом полковника Гершельмана, принимавший²⁹ участие в первом Кубанском походе.

19 офицеров улан Его Величества убиты в Гражданскую войну.

Когда генерал Носович в обстановке исключительно драматичной перешел на фронт донских казаков, вскоре после второго Кубанского похода, еще в тот период борьбы Белого движения, когда кровавая взаимная ненависть особенно ярко проявлялась во всех своих крайностях, уланы Его Величества первые были обрадованы, узнав от штаба главнокомандующего, что генерал Носович выполнял миссию центра Белого движения в Москве.

Генерал Носович получает от главнокомандующего назначение в Новороссийск начальником³⁰ всего Черноморского побережья, и ему поручается борьба с “зелеными”.

38 лет спустя Союз инвалидов помещает вышеуказанную клевету в русских газетах Америки.

Генерал Носович посылает по этому поводу Союзу инвалидов заказное письмо (копию при сем прилагаю), написанное в крайне корректной форме, с предложением миролюбиво ликвидировать все возникшее недоразумение. Это заказное письмо было принято Союзом инвалидов, но союз не счел нужным ответить на него, иначе говоря, оставив в силе свою клевету.

Прождав положенный срок, представленный по французским законам о подаче жалоб о “диффамации”, не получив никакого ответа, генерал Носович подает в суд.

²⁸ Цифра неразборчива из-за угасающего текста.

²⁹ В документе – принимавшем.

³⁰ В документе – начальника.

Экстренное собрание Гвардейского объединения осложнило 26 мая все дело, тем более, что адвокаты противных сторон в это время вели переговоры о миролюбивой ликвидации всего дела».³¹

Носович суд выиграл, Вальца обвинили в диффамации (клевете), но от денежного штрафа освободили. Конфликт разбирали на соединенном собрании правления и суда чести общества взаимопомощи бывших юнкеров Николаевского кавалерийского училища 31 августа 1957 г. в Париже в помещении 1-го отдела Русского общевойскового союза (Носович являлся вахмистром эскадрона училища выпуска 1899 г., а корнет Вальц – выпускником 1917 г.). Общество взаимопомощи пыталось дистанцироваться от действий Носовича в его борьбе с Союзом русских военных инвалидов во Франции. Отмечалась и некорректность письма Носовича, содержавшего требования к суду чести. Также на заседании было обращено внимание на необоснованное представление адвокатом Носовича своего подзащитного на суде как представителя великого князя Владимира Кирилловича (ранее Носович трижды извещался канцелярией великого князя о том, что все представительства ликвидированы в 1941 г.) и «председателя конницы на юге Франции». В итоге Носовича исключили из общества (лишь один из голосовавших был против). В то же время на собрании корнету Вальцу поставили на вид его выступление против старших товарищей по училищу. Была отмечена и его клевета на Носовича.

Отсутствовавший Носович обжаловал это решение, поскольку заочного суда чести не существовало, как и соединенного собрания правления и суда чести, а также по ряду других процедурных нюансов. В общей сложности он выявил нарушение 12 пунктов правил суда чести. В итоге председатель правления генерал-майор А. А. Губин постановление аннулировал.

В письме Губину от 31 октября 1957 г. Носович просил того «прочитать прилагаемое письмо от 26 окт[ября] 1957 г. консула г. Царицына господина С. Шарбо, ныне живущего в г. Париже и с интересом следящего за делом “клеветы” корн[ета] Вальца по книге Гуля (советского писателя), читающего эту книгу на всех военных собраниях с собственными комментариями в “моем отсутствии” – и делающего доклады о событиях в 1918 г., где участниками этих событий были я и французский консул С. Шарбо.

Уведомляю всех присутствующих, что я очень был бы рад видеть всех желающих узнать правду о событиях 1918 года от меня и от консула Шарбо,

³¹ НИА. М. Blinov collection. Box 12. Folder 10.

который мне не откажет присутствовать на моем докладе, до моего отъезда из Парижа, предполагаю таковой доклад сделать [в] воскресенье 17-го ноября. О точном дне уведомя желаюющим меня о чем-либо запросить: мой адрес...»³². Письмо содержало постскриптом: «Прошу ознакомить собрание и с бумагами франц[узских] военных миссий».³³

Не углубляясь в детали конфликта вокруг Союза русских военных инвалидов во Франции, отметим, что это разбирательство сохранило для нас важные документы французской стороны о подпольной антибольшевистской работе генерала А. Л. Носовича в рядах РККА в 1918 г. И хотя эти документы представлены в копиях и исходили от самого Носовича, думается, они заслуживают доверия. В сочетании с подлинным документом французской военной миссии 1918 г. они являются независимым доказательством ведения генералом А. Л. Носовичем антибольшевистской подпольной работы в 1918 г. в рядах Красной армии.

³² НИА. М. Blinov collection. Box 12. Folder 10.

³³ Там же.